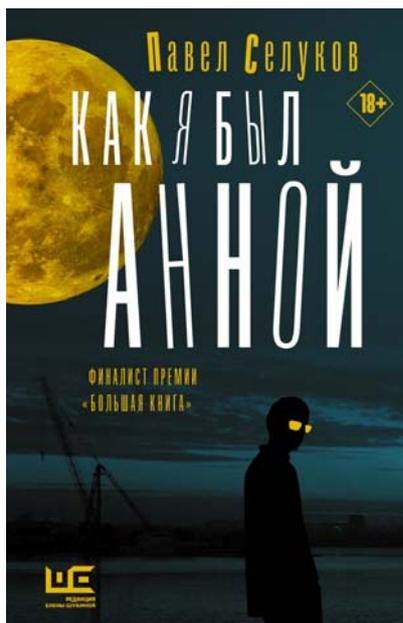

Павел Селуков «Как я был Анной»

В «Редакции Елены Шубиной» в серии «Роман поколения» вышла новая книга Павла Селукова «Как я был Анной». Предыдущий сборник рассказов, «Добыть Тарковского», вошел в шорт-лист премии «Большая книга» 2020 года.

Все четыре десятка новых рассказов можно условно поделить на две части: одни из них написаны в привычном стиле Селукова, где-то на стыке «пацанской» и философской прозы; другие, тяготея к фантастике и абсурду, открывают новую грань его писательского таланта.

Здесь встретятся уже знакомые и близкие герои – бесприютные, неприкаянные философы, нестяжатели и пропойцы. Неудачливый охранник ночного клуба в пластиковых туфлях из социального магазина, уверовавший в бога; мечтательный подросток, которого не любит собственный отец; тридцатипятилетний фрилансер с биполярным расстройством, двадцатилетний маляр-шизофреник...

В фантастических рассказах Селукова герои вроде бы те же, но ещё более отстраненные, отчужденные, странные. С их точки зрения мир выглядит еще бессмысленнее и абсурднее, чем ежедневно видим его мы. Так, например, герой заглавного рассказа «Как я был Анной» – 35-летний хулиган, погибший в драке и воскрешённый через четыре года после смерти. На дворе 2033 год. Артём возвращается из небытия и видит, как неузнаваемо изменилась жизнь. Люди отказались от привычных имен и гендерных ролей и настаивают, чтобы Артём называл себя Анной.

Рассказы Селукова сюжетны, точны и полны неожиданностей. Читая их, в очередной раз даешься диву, «из какого сора» способна расти хорошая литература. Бетонные джунгли провинциального города, «однушка» на окраине, междугородний автобус, «старички, тётки, рассада, бурые сумки»... Бесприютная жизнь неудачников, полная поэзии, философии и красоты.

В своих рассказах Селуков как будто вступает в диалог с писателями и философами прошлого. И среди них не только Довлатов, Хемингуэй и Достоевский, с которыми критики уже успели сравнить Селукова, но и Бердяев, и Ницше, и Розанов, на философские вопросы которых Селуков, как бы шутя и мимоходом, пытается найти ответы.

Новые рассказы Павла Селукова вроде бы о нас и нашей жизни, но в каждом из них есть или резкий поворот, или загадка, которые помогают нам «приподняться» над обыденностью и восхититься неожиданным открытием. Как правило, эти маленькие писательские подарки «выстреливают» в тот самый момент, когда меньше всего ждешь. Останавливаешься, возвращаешься назад, перечитываешь и улыбаешься.

Аннотация:

Павел Селуков родился в 1986 году на окраине Перми. Пишет прозу и сценарии. Сборник «Добыть Тарковского» вошёл в короткий список премии «БОЛЬШАЯ КНИГА».

«Как я был Анной» — книга рассказов, которые можно окрестить абсурдными, фантастическими, сатирическими или даже обозвать загадочным словом «притчи». Пацанско-маргинальная тема здесь не становится ведущей. Герои Селукова выросли, добыли своих Тарковских, после чего вдруг обнаружили, что это не конец путешествия, а только его начало.

Цитаты

***

На первую смену Борис пришёл обритым под машинку. В брюках, рубашке и пластиковых туфлях из социального магазина. Ещё его волновали красные пятна на лице, которые нет-нет да высыпали. На фоне французских окон, диковинных растений в кадках и европейского интерьера Борис смотрелся эмигрантом из Беднолэнда. Как вы понимаете, проработал он там недолго.

***

Страх — обильное чувство, ему можно доверять. Если какая-то штука способна его вызывать, значит, не совсем она и халтура, пусть даже, может быть, как халтура и задумывалась. Тут для примера набоковская «Лолита» подходит. Роман грязный, глупый, для подростков, дам и онанистов, однако Набоков большой мастер, вот и слепил из похоти высокую поэзию. Похоть, она ведь как страх — жутко настоящая. А Хронос, если без обиняков, мастер позабористее. Нужны бы нам были эти китайские вазы, не будь им две тысячи лет? И позарился бы я на этих ангелочков, если б не патина? Когда вещь обрастает опытом, это уже и не вещь, а целый миф.

***

Закачало, замотыляло меня ещё в детстве. Урывки, урывки... Пух тополиный в сандалиии лезет, дом розоватый, два этажа, пёс Буран чумку подхватил, отец с ружьём, мать уехала с челноками, «Денди» купили, продали лишний холодильник «Бирюса». Отец с покупателем, чужим дядькой — руки-грабли, ворочают его по деревянному полу, а мама вздрагивает, губы жуёт, как же — краска-то слазит, мужик гу-гу-гу, отец бу-бу-бу, а у меня чувство детское, пустое, но острое, как жало осиное, — рушится мой мир, растаскивают. Дядька этот, отец, своими руками, ужас, слёзы, а объяснить не могу, мал, лепет, бессвязность. Во всём бессвязность.

***

Голос похож на еду. Когда долго постишься, от голода мир запретных запахов раскрывается, и ты чувствуешь то, чего раньше никогда не чуял. Когда в горле долго не было голоса, всякое слово обретает вкус, и вкус этот тем ярче, чем дольше его не было. Жить в молчании поначалу неловко, словно твою правую руку привязали к спине, но вскоре молчание принимает тебя, и ты будто бы плывёшь по тёплому морю. Ещё от долгого применения молчание проникает под кожу. Приучив к молчанию губы и горло, ты приучаешь к нему и душу. Вдруг она перестаёт болтать и слушать, а начинает как бы видеть. Это зрение раскрашивает мир доселе неведомыми красками, отказываться от которых в угоду болтовне просто жалко. Поэтому я и не отказывался. Я лелеял свою внутреннюю тишину, как мать нерождённого младенца.